

С. В. Иванова
Уфа, Россия

S. V. Ivanova
Ufa, Russia

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС И КУЛЬТУРНОЕ
КОДИРОВАНИЕ: ДЕТОНИРОВАНИЕ
КУЛЬТУРНЫХ КОДОВ**

**POLITICAL DISCOURSE AND CULTURAL
CODING: DETONATION
OF CULTURAL CODES**

(на материале политического дискурса США)

(on the basis of US political discourse)

Аннотация. На материале политического дискурса рассматривается проблема культурного кодирования. Роль культурных кодов в политическом дискурсе велика, поскольку на их базе продуцент текста многократно кодирует сообщение. Культурные коды работают по принципу детонирования: раскрытие одного кода ведет к усилению воздействия других кодов, задействованных в тексте. Совокупность культурных кодов в тексте способствует более яркой передаче концептуальной информации, что и составляет суть принципа детонирования.

Abstract. The article highlights the problem of cultural coding in political discourse. The role of cultural codes is quite significant as they form the basis for the coding activities of the producer of the text. The cultural codes follow the detonation principle: decoding one of the codes employed enhances the effect of other codes within the text. That is the basis of the detonation principle which "blasts" the conceptual information rendered.

Ключевые слова: политический дискурс; культурный код; коды культуры; принцип детонирования; оппозиция «свой — чужой».

Key words: political discourse; cultural codes; code of culture; detonation principle; "us — them" opposition.

Сведения об авторе: Иванова Светлана Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой межкультурной коммуникации и перевода.

About the author: Ivanova Svetlana Viktorovna, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Intercultural Communication and Translation.

Место работы: Башкирский государственный университет.

Place of employment: Bashkir State University.

Контактная информация: 450074, Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32.

e-mail: ivasv@rambler.ru.

Активно разрабатываемая в современных лингвокультурологических исследованиях проблематика культурного кодирования — таксономии, прочтения и интерпретации культурных кодов — представляет немалый интерес для политической лингвистики. Цель данной статьи — раскрыть заложенный в тексте современного политического дискурса принцип детонирования культурных кодов. Принцип детонирования культурных кодов заключается в многократном усилении воздействия от передаваемого концептуального содержания текста за счет взаимодействия культурных кодов внутри одного текстового целого. Материалом исследования служит американский политический дискурс. Объект исследования составляют вербальные знаки, отсылающие к различным культурным кодам, предмет исследования — культурная кодификация информации в рамках политической коммуникации.

Прежде всего необходимо обратиться к определению культурного кода и его сущности. В широком смысле под кодом подразумевается система знаков, которая устанавливает как репертуар противопоставленных друг другу символов, так и соответствие между означающим и означаемым [Эко 2004: 47, 57]. С одной стороны, код упорядочивает и ограничивает комбинационные возможности задействованных элементов [Эко 2004: 56]: так, кодирование исход-

ного содержания в знаковой, символической форме ведет к обогащению его совокупным социальным опытом, к упорядочиванию исходного содержания, его организации в формах, выработанных общественной практикой [Петров 2002: 125—126]. С другой стороны, сам код также характеризуется определенной энтропией [Эко 2004: 59], что естественным образом приводит к неоднозначности его прочтения. В целом код можно уподобить механизму порождения, модели, которая является «результатом ряда условных упрощений, производимых ради того, чтобы обеспечить возможность передачи тех или иных сообщений» [Эко 2004: 83].

Как известно, одной из общепризнанных знаковых систем является культура. Соответственно, о ней говорят как о сущности знаковой природы и исследуют в семиологической плоскости. Знаки для воплощения своих смыслов культура заимствует из природы, из артефактов, из окружающего и внутреннего мира человека [Гудков, Ковшова 2007: 7—9]. Организованные определенным образом, эти знаки образуют сущности более высокого порядка, получившие в рамках тартуско-московской семиотической школы название вторичных моделирующих систем. Именно таким образом в культуре организуются и иерархически упорядочиваются культурные коды — вторичные знаковые системы, использующие разные матери-

альные и формальные средства для кодирования содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума. Все это позволяет согласиться с Д. Б. Гудковым и М. Л. Ковшовой в том, что культурный код — это система знаков материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые «прочитываются» в этих знаках [Гудков, Ковшова 2007: 7—9].

Чрезвычайно важной представляется мысль Р. Барта о характере соотнесенности знаков культуры с общим культурным фоном, который он называет «книгой жизни», «книгой культуры», фоном «жизни как культуры» (У. Эко называет это кругозором получателя информационного сообщения [Эко 2004: 95]. Соответственно, код — это система ожиданий [Эко 2004: 96]). Р. Барт отмечает, что культурные коды «суть не что иное, как цитации — извлечения из какой-либо области знания или человеческой мудрости» [Барт 2001: 45]. (Необходимо напомнить, что Р. Барт выделял пять кодов, которые подлежат прочтению при анализе произведения как такового и соответствующего ему Текста, понимаемого как совокупность культурных смыслов. В интерпретации Р. Барта существуют герменевтический, проайретический, или нарративный, референциальный, или культурный, символический и коннотативный, или семный, коды [Барт 2001: 44].) Р. Барт предупреждает: то, что он называет кодом, есть «не реестр и не парадигма, которую следует реконструировать любой ценой; код — это перспектива цитации, мираж, сотканный из структур; он откуда-то возникает и куда-то исчезает — вот все, что о нем известно; порождаемые им единицы (как раз и подлежащие анализу) сами суть не что иное, как текстовые выходы <...>; все это осколки чего-то, что уже было читано, видно, совершенно, пережито; код и есть след этого уже» [Барт 2001: 45]. Представляется, что такой подход к определению понятия «код культуры» несомненно может играть роль инсайта для исследователя, работающего как в области лингвокультурологии, так и в области политической лингвистики. В такой интерпретации код культуры смыкается с явлениями интертекстуальности, гипертекста, стереотипов и архетипов. С одной стороны, это, конечно, размывает границы данного понятия, а с другой — свидетельствует о сложной гетерогенной природе изучаемого явления. Однако именно постструктуралистская традиция позволяет полностью раскрыть интерпретационный потенциал данной сущности в том, что касается декодирования культурных смыслов, составляющих несколько уровней смысловой структуры текста.

Особенностью текстовых сообщений является то, что они содержат в себе коды различных уровней. В результате можно говорить о нескольких «сореальностях» (Бензе, цит. по

[Эко 2004: 104]), участвующих в создании содержания текстового сообщения. Культурные коды представляют собой «ассоциативные поля, сверхтекстовую организацию значений, которые навязывают представление об определенной структуре» [СЗЛ: 194].

Лингвисты подчеркивают матричную природу кодирования. Так, Р. Барт уподобляет коды ячеистой сети, забрасывая которую в текст, можно вскрывать информацию разных уровней кодирования [Барт 2001: 20]. В рамках данной логики вполне понятным становится определение культурных кодов В. В. Красных: «...код культуры есть „сетка“, которую культура „набрасывает“ на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [Красных 2003: 297]. Таким образом, код культуры вмещает информацию о ценностях лингвокультурного сообщества, основных концептуальных системах внутри общего кода культуры, которые соответствуют мыслительным категориям, а также о структуризации данных категорий, об их положении по отношению друг к другу и к окружающей действительности в целом.

Из вышесказанного ясно, что как количество культурных кодов, так и основополагающие критерии их выделения могут сильно варьироваться. Так, О. А. Леонтович описывает внутренний код (язык мысли) и внешний. В качестве внешних кодов исследователь выделяет вербальные знаки [Леонтович 2007: 38], а также, вслед за И. В. Арнольд, такие экстралингвистические коды [Арнольд 1983: 25], как паралингвистические средства: жестикуляция, мимика, пантомимика (язык тела), проксемика (физическая дистанция), социальная дистанция, одежда, такесика (прикосновения) [Леонтович 2007: 38].

Большое распространение получил перечень культурных кодов, предложенный В. В. Красных, которая выделяет соматический, пространственный, временной, предметный, биоморфный, духовный коды и добавляет, что таких кодов «не может быть много» [Красных 2003: 298]. Д. Б. Гудков и М. Л. Ковшова предлагают другую классификацию культурных кодов, выделяя вербальный, акциональный и реальный коды культуры. Отдавая приоритет вербальному, исследователи сосредоточивают свое внимание на реальном коде культуры, который, по их мнению, включает в себя природно-ландшафтный (лес, море, горы, вода, песок и др.), архитектурно-домообустроительный (дверь, порог, крыша и т. д.), вещный (нож, рубашка, нитка, карман и т. д.), а также зооморфный, в какой-то степени соматический и ряд других кодов [Гудков, Ковшова 2007: 28—29]. Представляется, что данные подходы, обобщающие результаты культурного кодирования и выводящие информацию о них во внешний для исследователя план, дополняют друг друга. Вместе с тем обращает на себя внимание, что они предложенные классификации выполнены в разных системах координат. Культурное кодирование в

концепции В. В. Красных базируется на социально значимых и освоенных сферах существования человеческого духа, в то время как система вербального, акционального и реального кодов культуры предполагает наличие глобальных сфер проявления кодирования, т. е. кодирующих систем, элементы которых сами служат единицами кодирования.

С учетом различных точек зрения на культурное кодирование, можно согласиться с мнением проф. З. З. Чанышевой, предлагающей обобщающее определение кода культуры как (1) внутренне связанной системы носителей культурно-ценностной информации и установок, которая (2) формируется в пределах языков культуры в результате культурного соглашения и (3) выражает глубинное смысловое поле культуры [Иванова, Чанышева 2010: 282]. Относительно большого разнообразия культурных кодов и отсутствия их конечного перечня провидческим оказалось мнение Ю. М. Лотмана, спрогнозировавшего такое положение вещей: в работах по проблематике культурного кодирования и функционирования культурной семиосферы он указывал, что «во всякую живую культуру „встроен“ механизм умножения ее языков» [Лотман 1999: 164].

К особенностям текстовых сообщений относится способность содержать в себе коды различных уровней. Таким образом, можно говорить о нескольких «сореальностях» (Бензе, цит. по: [Эко 2004: 104]), участвующих в создании содержания текстового сообщения. Действительно, многоуровневая кодификация позволяет вместить в текст сообщения разнородную информацию. В результате отправитель сообщения не только описывает политическое событие, но и выражает концептуально важную для него информацию и опосредованно дает собственную оценку происходящему.

Одним из наглядных примеров многоцелевого взаимодействия нескольких культурных кодов в рамках одного текстового сообщения может служить статья «Chinese Tiger ate US Dove for lunch» (издание «New York Post»; [URL: <http://www.nypost.com> (дата обращения: 25.01.2011)]). Автор статьи представляет переговоры лидеров двух стран — Китая и США — как аллегорическую борьбу двух животных: президент КНР представлен в образе тигра, символа силы и быстроты (Tiger Leader), а президент США — в образе голубя, символа миролюбия, покорности и чистоты (Dove Leader). Как свидетельствует название статьи, автор обращается к потенциалу метафоризации, основанной на «сближении человеческого мира с животным» [KPP 2003: 228], лежащим в основе зооморфного кода. Таким образом, автор надевает маски на участников коммуникативного акта в соответствии с имиджем, который они сами для себя выбрали. Так, американский лидер выступает в образе всеобщего миротворца — Dove. Что касается президента КНР, то, скорее всего, автор

вводит сравнение с *Tiger* по аналогии с термином «азиатские тигры» (четверка азиатских стран, характеризующихся мощным и агрессивным экономическим поведением на мировом рынке), заочно причисляя бурно развивающийся Китай к упомянутой группе стран. Таким образом, *Dove* и *Tiger* — это прежде всего политические и, кроме того, коммуникативно-ролевые маски участников переговоров.

Постоянное упоминание этих масок диктует необходимость обратиться к семиотической теории карнавала, изложенной М. С. Бахтиным в работе «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья». Источником для исследования М. М. Бахтина явились праздники карнавального типа, восходящие к традициям средневековой Европы. «Народно-площадная смеховая сторона» этих праздников позволяла разделить мир на «серьезный», мир «официальных — церковных и феодально-государственных — культовых форм и церемониалов» и «второй мир и вторую жизнь» [Бахтин 1990: 13]. Особые праздники, носившие названия «праздник дураков» и «праздник осла» — народно-площадные представления церковных праздников с участием великанов, карликов, уродов, «ученых» зверей, шутов, которые пародировали те или иные моменты серьезного церемониала, — «давали совершенно иной, подчеркнуто неофициальный, внецерковный и внегосударственный аспект мира, человека и человеческих отношений; они как бы строили по ту сторону всего официального второй мир и вторую жизнь, которым все средневековые люди были причастны, в которых они в определенные сроки жили» [Бахтин 1990: 13].

Для организованной на начале смеха карнавальной культуры характерно создание своего рода «второго мира» и «второй жизни» [Бахтин 1990: 10], где все не похоже на действительность. Например, то, что является важным и серьезным в действительности, в этом мире представляется смешным, воспринимается и постигается в смеховой ипостаси. Поскольку в центре концепции карнавализации находится «идея об „инверсии двоичных противопоставлений“, то есть переворачивание смысла бинарных оппозиций» [Руднев 1997], можно заключить, что карнавальное мировосприятие характеризуется амбивалентностью, двоичностью культурных образов (смыслов), что предполагает полюсное противопоставление (*верх — низ, смешное — серьезное, приличное — неприличное* и т. п.). Объединение противоположных модусов служит снижению признаваемых в данное время и в данном обществе ценностей.

Смысл концепции карнавализации М. М. Бахтина состоит в том, что понятие средневекового карнавала — архаической традиции, связанной в европейской культуре со стихией всеобновляющего смеха — может быть применено ко всем явлениям культуры Нового времени, в том числе и к литературным произведениям [Бахтин

1963: 143]. Весьма ценным является замечание автора о том, что даже в эпоху современности, когда многие жанры имеют лишь отдаленную связь со средневековыми традициями, они «сохраняют в себе карнавальную закваску (бродило), резко выделяющую их из других жанров» [Бахтин 1963: 143]. Таким образом, карнавальное мироощущение и гротескная образность воплощаются в настоящее время в произведениях смехового жанра, а также в текстах других жанров при отображении смеховой ситуации. (О карнавализации в связи с традиционным для английской культуры прецедентным жанром лирика более подробно см.: [Артемова 2004].)

Такие редуцированные формы карнавального смеха, как, например, ирония, наилучшим образом «отражают амбивалентную природу карнавальных образов, которые объединяют в себе оба полюса смены и кризиса: благословение и проклятие, хвалу и брань, юность и старость, верх и низ, глупость и мудрость» [Бахтин 1963]. Эту мысль подтверждает само определение термина «ирония»: стилистический прием, «посредством которого в каком-либо слове появляется взаимодействие двух типов лексических значений: предметно-логического и контекстуального, основанного на отношении противоположности (противоречивости)» [Гальперин 1958]. Таким образом, стилистическая «суть» иронии заключается в переносе значения по противоположности. Отличительный признак этого приема — «двойной смысл, где истинным будет не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый» [Русова 2004: 97]. Функция иронии как стилистического средства, направленного на усиление эмоционального воздействия на читателя и создание комического эффекта, — не что иное как редуцированная форма карнавализованного мироощущения, которая не позволяет мысли автора «остановиться и застыть в односторонней серьезности» [Бахтин 1963]. Эта функция иронии широко используется в медиадискурсе.

Избранные для описания политического события метафорические наименования полностью «раскручиваются» автором, и поведение героев — политических лидеров двух держав — получает описание в рамках избранной зооморфной символики. Так, поведение Dove Leader во время переговоров полностью соответствует взятой на себя американским президентом роли политического голубя (умеренного политического деятеля, выступающего за решение международных проблем мирным путем (голубь — один из символов мира). Ср. Hawks — 'ястребы' [ABBY Lingvo x3]): президент Обама *likes to do a lot of bowing and scraping*, He is *crowing* about \$45 billion in US exports he got China to agree to, he really *busted Hu's chops* over his country's unfettered piracy of everything from designer handbags to software to drugs to sophisticated electronic gadgetry that American companies have plowed billions upon

billion of dollars of research and development... Однако в закодированной форме автор статьи апеллирует к читателю и передает ему негативное отношение к избранной президентом США маске. Лексическая семантика единиц, служащих для описания «голубиных» действий (*bowing and scraping, crowing*), которые не могут вызывать симпатии и заслуживать положительной оценки в свете того, что их выполняет президент США, свидетельствует, что избранный Обамой образ никак не совмещается с образом руководителя сильнейшей державы.

Кроме того, на фоне зооморфного кода совершенно очевидно столкновение речеповеденческих культурных кодов, свойственных двум разным культурам. Данный код обслуживает коммуникативную систему, фундаментом которой являются общепринятые в соответствующем лингвокультурном сообществе нормы выражения коммуникативных потребностей участников. Представляется, что это один из базовых кодов для функционирования человека в социуме, поскольку он регламентирует коммуникативное поведение *homo loquens*. Речеповеденческий код позволяет говорящему адекватно позиционировать себя в процессе коммуникации, поскольку отражает социальные отношения, духовные ценности, стереотипы ЛКС, а также предопределяет восприятие говорящего партнерами по коммуникации [Иванова 2009: 122].

Так, для представителя азиатской культуры свойственно уходить от прямых конкретных ответов, поддерживать так называемый «дух дружбы», несмотря на жесткость ситуации, у них не принято улыбаться «просто так» (*Hu Jintao likes to do a lot of not smiling*), что совершенно неприемлемо с точки зрения американского речеповеденческого кода. Помимо этого, как правило, китайцы делают уступки лишь под конец переговоров, так как дипломатические встречи в их понимании служат только для сбора информации [Льюис 1999: 379—381]. Соответственно, только в конце беседы, чтобы спасти переговоры, президент Китая идет на уступки, впрочем, очень сомнительные с точки зрения автора (*Then came Hu's big concession to Obama — perfectly illustrating his country's regard for intellectual property. Hu promised he would try to get his own government agencies to quit using pirated software. You call this a concession? No, that is called complete bamboozlement*).

Для представителя американского лингвокультурного сообщества важным является достижение конкретных результатов. Американцы, как правило, стремятся обсудить не только общие подходы, но и детали, связанные с реализацией договоренностей, ценят открытость и быстро переходя к сути разговора, часто теряют терпение, если не встречают аналогичной реакции у собеседника [Льюис 1999: 237—243]. Так, в самом начале статьи автор обрисовывает действия президента США, при этом стили-

стика фраз подчеркивает нарастающее нетерпение Dove Leader: *He speaks endlessly; he likes to do a lot of bowing; he is still talking; He is crowing*, — и только когда Obama ... *wagged his finger in Hu's face over China's human-rights record*, Tiger Leader идет на существенную уступку: *surprised many — and surely caused the Dove Leader's heart to flutter — by admitting that his country could do more in the area of human rights*. И даже это, значительное с точки зрения носителя азиатской культуры признание автор называет *a baby step in the right direction*. Интересно даже не столько речевое поведение президента США, сколько интерпретация автором статьи речевого взаимодействия героев, скрывающихся за выбранными ими масками. Интерпретация ролевого поведения президента США представляет собой иллюстрацию известной мысли о том, что многие американцы считают свою страну самой преуспевающей экономической и демократической системой, а американские нормы — единственно верными [Льюис 1999: 239]. Именно это обстоятельство обуславливает ироническое отношение автора статьи к поведению своего лидера: на ярмарке политических амбиций не пристало Америке играть роль миролюбивого и покорного Голубя.

Взаимодействие нескольких культурных кодов служит декодированию отношения автора как к своим героям, так и к более широкому событийному политическому контексту. Ирония, возникающая в результате актуализации метафоры, свидетельствует о больших сомнениях автора относительно перспектив такого рода политического диалога. Кроме того, в результате декодирования речеповеденческого кода становится очевидным тот факт, что лидеры двух держав диаметрально противоположны: они находятся на противоположных концах шкалы «Свой — Чужой». Невыполнение норм речеповеденческого кода мгновенно сигнализирует о том, что высший руководитель Китая на самом деле чужой для американского лингвокультурного сообщества. Более того, по всей видимости, и *свой* президент, Барак Обама, не примыкает к классу *своих* с точки зрения автора статьи: вся метафорика статьи, негативно характеризующая 44-го президента США, направлена на дискредитацию его позиции. По сути, в метафорической модели, которую следует понимать как некую дискурсивную практику («дискурсивные практики», вслед за М. Фуко, рассматриваются как некоторые «языкоподобные, т.е. похожие на язык своей структурирующей способностью, механизмы познания и культуры» [Третьякова 2004: 301]), как развернутую на пространстве всей статьи метафорику, связанную с надетыми на персонажей масками, оказываются «упакованными» несколько культурных кодов: карнавальные маски, Голубь в христианской традиции и в политической традиции США, зооморфный код как таковой, кодирование оппозиции «Свой — Чужой», ирони-

ческое «перевертывание» объектов описания. При декодировании информации статьи данная метафорическая модель «взрывается», детонируя, т.е. вовлекая в свое информационное поле содержание нескольких культурных кодов. Как следствие, происходит усиление заложенной в основу текста и предназначенной автором для «прочтения» содержательно-концептуальной информации.

Несомненный интерес для анализируемой проблематики представляет еще один пример, взятый из американского политического дискурса. Речь идет о выступлении президента Обамы перед студентами ВШЭ во время визита в Москву в июле 2009 г. (см. текст: [URL: <http://apnews.myway.com/article/20090707/D999J9Q80.html> (дата обращения: 07.07.2009)]). Концептуальная информация, заложенная в тексте данного выступления, свидетельствует о том, что президент Обама, являясь стойким приверженцем идеи перезагрузки отношений между РФ и США, тем не менее имеет свою собственную повестку дня, которую считает своим долгом последовательно проводить в жизнь. В этом ключе построено все выступление 44-го президента. Его речь является ярким примером того, что политическая коммуникация, призванная оказывать «прямое или косвенное влияние на распределение власти», «не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира» [Чудинов 2007: 6, 7]. Весьма примечательно в этом плане использование в самом начале выступления известной цитаты А. С. Пушкина, сводящейся к тому, что вдохновение в геометрии так же необходимо, как и в поэзии: *Here at NES, you have inherited this great cultural legacy, but your focus on economics is no less fundamental to the future of humanity. As Pushkin said, "Inspiration is needed in geometry just as much as poetry." And today, I want particularly to speak to those of you preparing to graduate. You're poised to be leaders in academia and industry; in finance and government*. Легко заметить, что ситуация говорения (президент США обращается к будущим экономистам) никак не связана с цитируемым высказыванием. Оно является ярким маркером задействованного культурного кода, использованием прецедентного феномена. Хотелось бы напомнить, что одной из ингерентных функций прецедентных феноменов является парольная. Она служит признанию говорящего своим или чужим [Иванова 2006]. Намеренное усиление произведенного апеллацией к Пушкину, который еще В. Г. Белинским был провозглашен «нашим всем», воздействия происходит, когда президент прибегает еще к одной цитации, воспроизводя высказывание одного из студентов ВШЭ: *Back in 1993, shortly after this school opened, one NES student summed up the difficulty of change when he told a reporter, and I quote him: "The real world*

is not so rational as on paper." *The real world is not so rational as on paper.* Дословно повторяя процитированное высказывание и уже не выделяя его как прямую речь, говорящий присваивает его себе, делает частью своей концептосферы, вводит в свой круг и тем самым смыкается с кругом аудитории. В результате происходит переконфигурация «своих» и «чужих»: противоположные позиции смыкаются, идеологические окопы (*ideological trenches*) больше не нужны, ведь говорящий апеллирует к культурному коду слушающих, произнося знакомые и ставшие знаковыми прецедентные высказывания, называя прецедентные имена, «присваивая» концептуально важные контексты. Этим приемом, в соединении с задействованными метафорами (*the ideological trenches of the last century, the darkest hours of the Cold War, reached the brink of nuclear catastrophe*), несмотря на их очевидную стертость, автор достигает своей цели — устранения существующего и ставшего традиционным в миропонимании слушающей аудитории деления на «своих» и «чужих». Однако этим ресурс прецедентности не исчерпывается: еще одним метким попаданием президент объединяет аудиторию и себя, включая всех в один лагерь защитников демократии и прогресса напоминанием, что руководители стран, которые представляют говорящий и слушающие, участвовали в переделе карты Европы после Второй мировой войны. Поставленные рядом имена Сталина и Рузвельта исторически объединяют говорящего и слушающих как «своих», поскольку они были объединены одним делом, были участниками одного лагеря: *There was a time when Roosevelt, Churchill and Stalin could shape the world in one meeting.* Иными словами, много десятилетий назад обе страны заняли неблагоприятную с точки зрения современного демократического процесса позицию, которой нет места в настоящем: *Those days are over. The world is more complex today. Billions of people have found their voice, and seek their own measure of prosperity and self-determination in every corner of the planet.* Америка поняла необходимость перемен и призывает к этим переменам Россию: «Делай, как я», — вот стратегия, которую реализует президент, пытаясь изменить политические ориентиры коллективного адресата. И наконец, оратор еще раз апеллирует к прецедентному для российской аудитории богатому ассоциациями обозначению — «царь» (что характерно, конкретный правитель не указывается, царскую фамилия обобщена родовым средством номинации): *But think of the change that has unfolded with the passing of time. One hundred years ago, a czar ruled Russia, and Europe was a place of empire. When I was born, segregation was still the law of the land in parts of America, and my father's Kenya was still a colony. When you were born, a school like this would have been impossible, and the Internet was only known to a privileged few.*

Культурный код, связанный с прецедентными именами, эффективно используется продуцентом текста, так как каждый из прецедентных феноменов служит емким средством номинации и обладает несомненным ценностным потенциалом.

Еще одним культурным знаком, который свидетельствует об апелляции к другому культурному коду, является рекуррентно использованная лексема *change*, ставшая брендовым для Барака Обамы именем. Идея перемен — это то, с чем пришел Обама, чем он взорвал Америку в 2008 г. Соответственно лексема *change* в его устах указывает на культурный код, связанный с историческим переворотом в американской политической парадигме. На этот раз Б. Обама опять сослался на тот факт, что он, чернокожий гражданин, занимает высший пост в политической иерархии великой державы: *If our democracy did not advance those rights, then I, as a person of African ancestry, wouldn't be able to address you as an American citizen, much less a President. Because at the time of our founding, I had no rights — people who looked like me. But it is because of that process that I can now stand before you as President of the United States.*

Ссылаясь на прецедентные для данного лингвокультурного сообщества явления (имена, высказывания, ситуации), президент Обама демонстрирует, что он владеет культурным кодом аудитории. Вместе с тем своей задачей, как это явствует из интерпретационного анализа лексико-семантических средств и концептуальной информации текста, он видит превращение противников (*former adversaries*) в соратников в борьбе за прогрессивные идеалы человечества: *I believe that the Russian people share our goals, and will benefit from success — and we need to partner together, the future belongs to young people with an education and the imagination to create. <...> look to the future that can be built if we partner on behalf of the aspirations we hold in common. Together, we can build a world where people are protected, prosperity is enlarged, and our power truly serves progress.* Таким образом, задействованные оратором прецедентные феномены, метафорика (несмотря на то что она в данном случае имеет в основном стертый характер) и рекуррентная лексика (*change*) служат передаче основной концептуальной информации: в силу происходящих перемен изменяется и позиционирование сторон в качестве «своих» и «чужих». И хотя не все политические силы по обе стороны Атлантического океана разделяют такую точку зрения (*Yet unfortunately, there is sometimes a sense that old assumptions must prevail, old ways of thinking; a conception of power that is rooted in the past rather than in the future. There is the 20th century view that the United States and Russia are destined to be antagonists, and that a strong Russia or a strong America can only assert themselves in opposition to one another. And there is a 19th century view*

that we are destined to vie for spheres of influence, and that great powers must forge competing blocs to balance one another), Обама в конечном итоге включает аудиторию в круг «своих»: *Over the past two decades, we've witnessed markets grow, wealth spread and technology used to build — not destroy. We've seen old hatreds pass, illusions of differences between people lift and fade away; we've seen the human destiny in the hands of more and more human beings who can shape their own destinies. Now, we must see that the period of transition which you have lived through ushers in a new era in which nations live in peace, and people realize their aspirations for dignity, security, and a better life for their children. That is America's interest, and I believe that it is Russia's interest as well.*

Вскрытие одного за другим задействованных культурных кодов приводит к усилению воздействующего эффекта, что позволяет говорящему надеяться на успех выступления. Таким образом, современный политический дискурс характеризуется использованием разнородных, разнотипных культурных кодов. Каждый из них имеет свою структуру, предполагающую определенные отношения между означающим и означаемым. Соответственно политический дискурс функционирует как сложная многоуровневая разнопорядковая семиотическая система. В результате при декодировании сообщения срабатывает принцип детонирования концептуальной информации текста, предназначенной для прочтения: каждый из задействованных культурных кодов в рамках текстового целого, отвечая за передачу своей доли информации, многократно увеличивает силу воздействия текста.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнольд И. В. Интерпретация английского художественного текста. — СПб., 1983.
- Артемова О. Е. Лингвокультурная специфика текстов прецедентного жанра ЛИМЕРИК (на материале английского языка) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Уфа, 2004.
- Барт Р. S/Z. — М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — М.: Советский писатель, 1963.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. 2-е изд. — М.: Худож. лит., 1990.
- Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. — М.: Изд. лит. на ин. яз., 1958.

Гудков Д. Б., Ковшова М. Л. Телесный код русской культуры : материалы к словарю. — М.: Гнозис, 2007.

Иванова С. В. Аппарат лингвокультурологического исследования как показатель междисциплинарности научной парадигмы // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке : материалы междунар. науч.-практ. конф. (23—24 мая 2009 г.) / отв. ред. Г. Д. Чеснокова ; ЛГУ им. А. С. Пушкина. — СПб., 2009. С. 120—123.

Иванова С. В. О паролльной функции прецедентных феноменов // Языковые и речевые единицы в разных языках : сб. науч. ст. / РИО БашГУ. — Уфа, 2006. С. 71—81.

Иванова С. В., Чанышева З. З. Лингвокультурология: проблемы, поиски, решения / С. В. Иванова, З. З. Чанышева ; РИЦ БашГУ. — Уфа, 2010.

Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003.

Культура русской речи : энцикл. слов.-справ. / под. ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. — М.: Флинта ; Наука, 2003.

Леонтович О. А. Введение в межкультурную коммуникацию. — М.: Гнозис, 2007.

Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек — текст — семиосфера — история. — М.: Языки русской культуры, 1999.

Льюис Р. Д. Деловые культуры в международном бизнесе (от столкновения к взаимопониманию). — М.: Дело, 1999.

Петров И. Г. Субъект и его характеристики в научной парадигме и аксиологии // Человек как субъект культуры. — М.: Наука, 2002. С. 112—130.

Руднев В. П. Словарь культуры XX века. — М.: Аграф, 1997. URL: http://rudnevslovar.narod.ru/i2_k1.htm#kar (дата обращения: 20.01.2011).

Русова Н. Ю. От аллегории до ямба : терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. — М.: Флинта ; Наука, 2004.

СЗЛ = Современное зарубежное литературоведение : энцикл. справ. (Страны западной Европы и США): концепции, школы, термины. — М.: Интрада, 1999.

Третьякова Т. П. Опыт лингвистического анализа аргументации в политическом диалоге // Коммуникация и образование : сб. ст. / под ред. С. И. Дудника. — СПб.: Санкт-петербург. филос. о-во, 2004. С. 299—320.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика : учеб. пособие. 2-е изд. — М.: Флинта ; Наука, 2007.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. — СПб.: Symposium, 2004.

Статью рекомендует к публикации д-р филол. наук, проф. А. П. Чудинов